

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ ДРОССЕЛЬМЕЙЕРА

Сегодня после «Щелкунчика» в честь его 75-летия Владимир Левашов навсегда покинет Россию

Независимая газета, - 1998, - 21 янв. - с. 7

Юрий Григорович

«ТРУДНЫЙ актер», — говорили мне о нем, когда я переступил порог Большого театра в качестве главного балетмейстера в 60-е годы. Ну что ж, подумал я, трудный, так трудный, главное — чтобы танцевал, владел профессией, а там разберемся. Вскоре оказалось, что Владимир Левашов не только не трудный, даже в житейском понятии, а ненасытно-трудолюбивый актер и человек.

Он перетанцевал такое количество малых и больших партий, переделал такое количество, как тогда говорили, «общественных» дел в Большом театре, что вряд ли кто-то сможет их перечислить даже по случаю его 75-летнего юбилея.

Эта энергия Левашова была для меня как нельзя кстати. Я приходил в Большой театр не «по партийным спискам» и не в силу какой-то сложившейся в стране конъюнктуры, я приходил туда как специалист, как хореограф, и не было для меня ничего более важного, чем доказать собственные возможности. И то, что я встретил в Левашове адекватную моим настроениям реакцию — сразу и безоговорочно, — меня не просто обрадовало, но даже несколько изумило.

В 60-е годы многое делалось сообща, многое удавалось, и мы с моими актерами, художниками, композиторами, администраторами, рядовыми сотрудниками словно были созданы друг для друга. Но Володя Левашов не просто был несколько старше, он как бы хронологически принадлежал другой балетной эпохе. Он был партнером по сцене Улановой, Лепешинской и не только застал такие балеты, как «Красный мак», «Шурале», «Конек-Горбунок», но и потрясающе исполнял партии Ли Шанфу, Шурале и Царя. Но что вызывало мое удивление и восхищение — Левашов абсолютно безболезненно, органично перешел в другое хореографическое поколение, где его партнерами уже стали Тимофеева, Бессмертнова, Максимова. Он воспринял другую хореографию, другой стиль, другое время и словно путешествовал во времени.

Более того, Левашов даже во время одного спектакля мог позариться очевидцев разнообрази-

Владимир Левашов в партии Дроссельмейера.

ем перевоплощений, ходов, пластики. Скажем, в «Ромео и Джульетте», балете, поставленном Леонидом Лавровским, он был Меркуцио, Тибальдом и Лоренцо. На японских гастрольях он танцевал их попеременно, хотя очень любил Меркуцио. Он находил в нем близкий себе дух лицедейства, мгновенных трансформаций, бесконечной пластической игры. На английских гастрольях с этим спектаклем газеты посвящали ему оды. И в той же Англии, когда мы поехали туда первый раз со «Щелкунчиком», его Дроссельмейером восхищались не меньше, чем главными героями. После одного из спектаклей на сцену вынесли Щелкунчика-куклу в человеческий рост, сделанную из живых роз, подобранную из цветовой гамме его сценического костюма. Без героя Левашова никто не мыслит этого балета.

Дроссельмейер — наша первая совместная работа. Партия поставлена была мной на Левашова, хотя до нее он танцевал и Северьяна, и Визирия в моих балетах «Каменный цветок», «Легенда о любви». Глядя на Левашова, вы чувствовали: вот материализуется простая истина — актер есть актер, когда больше ничего не надо говорить, когда и так все ясно. О его партиях, и о Дроссельмейере особенно, написано в книгах, рассказано и пересказано много раз. И все это правда.

Мне же, работавшему с ним, ежедневно открывалось и нечто другое. С талантом было все ясно — талант налило. Но были в нем еще удивительная человеческая порядочность и строгость самооценки.

Я начинал ставить балет «Спартак» и имел в виду, что он будет танцевать Красса, репетировали какие-то фрагменты пря-

мо у Володи на даче. Но чем дальше уходили в работу, тем больше менялся мой замысел, и я чувствовал, что образ Красса уже не соответствовал физике и характеру Левашова. Я ему сказал: знаешь, Володя, к сожалению, ты не будешь танцевать Красса...

Незаянтарь... Может ли быть для актера что-либо более болезненное? Когда я кого-то из известных артистов уже не мог занять в связи с объективными обстоятельствами, это становилось поводом к громкому разрыву. А Левашов при всей его актерской сверхвооруженности встретил мои слова естественно, он сказал: Юра, я это уже чувствую и понимаю. И никогда не таил на меня обиды. Более того, продолжал работать у меня в других спектаклях, исполняя небольшие партии, делая их маленькими шедеврами. В «Спартаке» он был Гладиатором, в «Иване Грозном» — Боярином, и я до сих пор помню эти работы.

Когда Левашов заканчивал танцевать, я понимал, что он нужен театру, и предложил ему педагогическую работу. Сколько он сделал вводов в спектакли, сколько научил уму-разуму, сколько просто по-человечески помог. Думая о людях, он организовал в Большом театре актерскую столовую (ее так и называют «Левашовка»), и там стоит вырезанная из дерева огромная лампа, под абажуром которой — гофмановская фигурка его Дроссельмейера.

Сегодня Владимир Левашов прощается не только с Большим театром, не только с Москвой, но и с Россией... Сразу после «Щелкунчика» в его честь он улетает навсегда в Америку, к дочери, ибо жизнь пенсионера у нас сейчас трудна и уже далеко не так светла, как во времена его триумфов, цветов и восторгов. Все проходит, и каждый балетный артист это тяжело переживает.

Но не он, не Владимир Левашов. Он по-прежнему считает, что все будет хорошо, верит в счастье, в человеческую порядочность, стремится забыть плохое. Станный человек этот Левашов, острохарактерный танцовщик-артист, переигравший многих злодеев и таинственных колдунов, доживший до 75 лет и сохранивший в душе почти детскую прозрачность и чистоту.